

Сказания иноземцев о Московии

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXX (1900)

Сказания иностранцев. — Под этим названием в русской исторической литературе известны записки, дневники, донесения, заметки и т. д. иностранцев, составленные на основании собственных наблюдений или по рассказам других лиц, побывавших в России. Как исторический материал, С. иностранцев занимают видное место и давно уже обратили на себя внимание наших исследователей. Особенно важное значение имеют С., относящиеся к раннему периоду нашей истории. Бедность содержания тогдашней русской жизни и слабое развитие народного самосознания сказались в отрывочности, а иногда и в отсутствии данных для характеристики этого времени. До второй половины XVII стол. мы не знаем ни одного русского произведения, которое рисовало бы нам общую картину состояния тогдашнего общества. Этот пробел восполняется до известной степени заметками иностранцев. Иностранцу вдобавок легче, чем туземцу, отметить особенности быта страны. Туземец свыкается с постоянно повторяющимися явлениями родной жизни и живет

среди них, как бы их не замечая. Иностранец, являясь в страну со своими собственными, иногда противоположными привычками и взглядами, быстро и легко схватывает чуждые ему особенности и запоминает их. Применительно к России это общее явление усиливается еще характерным отсутствием у русских, по крайней мере в раннем периоде русской истории, критического отношения к жизни. Кроме того, иностранцы, приезжавшие в Россию, были образованнее местного населения и им легче было понять общие причины событий; у них был и материал для сравнения, недостававший русским вследствие замкнутости их жизни. Наконец, иностранцы могли безбоязненно передавать свои хотя бы и неприятные для русских наблюдения; им не надо было скрывать факты из опасения навлечь на себя гнев «сильных мира сего». При всех своих достоинствах С. иностранцев заключают в себе много ошибок. Причины этому двоякого рода: 1) общие, коренящиеся в характере сношений русских с иностранцами, и 2) частные, в зависимости от обстоятельств известного времени и личных особенностей писавшего. С самого въезда иностранного посольства на территорию России оно попадало как бы под аресты к послам никого не допускали, их самих одних никуда не отпускали. Все иностранцы XVI в., ездившие в Москву и

оставившие записки, жалуются на дурное обращение с ними приставов, которых назначали состоять при послых или, вернее, караулить их. Только к концу XVII в. положение иностранных посольств стало легче. Знакомиться с русской жизнью при таких условиях было очень трудно. Далее, очень немногие из иностранцев знали русский язык; большинство разговаривали с русскими через переводчиков, зачастую малограмотных. Обращаться непосредственно к литературным памятникам мешала, кроме незнания языка, трудность добывать последние; тем не менее, некоторые из иностранцев — напр. Герберштейн, Флетчер — находили возможность пользоваться этим источником при составлении своих описаний. Русские, с другой стороны, очень подозрительно до конца XVII в. относились к иностранцам и считали даже своим долгом давать им неверные сведения. Наконец, национальные и религиозные предрассудки налагали свою печать на С. Очень часто иностранцы, не понимая какого-нибудь явления, осуждали его и выводили из него неверные заключения. Частные причины, почему иностранцы не могли быть беспристрастными в своих С., коренились в личных свойствах путешественника, т. е. зависели от степени его образования и развития и от обстоятельств, при которых писались записки.

Нельзя, напр., доверять вполне сообщениям Поссевина (см.), зная, с какою целью он приезжал к Грозному; нельзя принять на веру ни одного факта из книги Гванины, так как она написана с предвзятым намерением служить интересам Батория. Вообще С. иностранцев дают историку материал богатый, но требующий надлежащей критики. Необходимо установить, с какою целью и по какому поводу данное С. составлено; определить, что принадлежит в С. личным наблюдениям автора, что заимствовано у него от других и от кого именно, а также по возможности полнее ознакомиться с личностью автора; изучить его взгляды и суждения в связи с состоянием того государства и той среды, к которым он принадлежал, чтобы решить, что вытекает из его наблюдений и что он повторяет голословно вслед за большинством своих соотечественников; наконец, все по возможности сообщения автора проверить по несомненным данным.

Сведения о славянах у византийских историков встречаются, начиная с VI в. Особенно важное значение имеют указания Прокопия, Менандра и императора Маврикия; последний в своей «Стратегике» сообщает много данных о положении славянских племен. Очень много сведений, в высшей степени ценных, дает готский историк Иорнанд в своем описании готского

государства в VI в. Из историков VII в. имеет значение Феофилакт Симоката, повествовавший о царствовании имп. Маврикия. В продолжении хроники Георгия Амартола (IX в.) рассказывается поход Аскольда. История крещения Руси выясняется из посланий и бесед патр. Фотия. Много ценных сведений о хазарах находится в «Истории царей» багдадского ученого Табари. О Биармии и Балтике рассказывают Отер и Вульфстен, посетившие эти места в IX в. по приказанию англ. короля Альфреда. Из византийских писателей X в. важны Лев Грамматик, Константин Багрянородный и Лев Диакон. К. Багрянородный, кроме общей характеристики руссов, передает о приеме Ольги в Византии; Л. Диакон описал войну Святослава с греками. Мусульманский писатель Ибн-Хордадбе, живший на рубеже IX и X вв., дает в «Книге путей и государств» много сведений о торговле славян. Чрезвычайно интересные сообщения ибн-Фадлана давно уже обратили на себя внимание исследователей; то же надо сказать про Аль-Масуди. Ибн-Ал-Надим в своей «Книге росписи наукам» сообщает о существовании каких-то письмен у руссов. Самое главное место между мусульманскими историками X в. занимает Ибн-Даст; его С. — драгоценнейший источник для древнего периода русской истории. Об Игоре рассказывает Луитпранд, кремонский епископ.

Сведения о Владимире и Святополке находим в С. еписк. Межеборского Титмара. Некоторые сведения о Руси XI в. дают в своих летописях Георгий Кедрин и Иоанн Зонара; большое значение имеют С. каноника бременского Адама и Ламберта, у которого есть сведения о Святославе Ярославиче. Описание Киева находим у нем. миссионера Бруно. Из мусульманских писателей XII в. укажем Едризидина и Эль-Андалузи, из западных — Оттона Бамбергского и Гельмгольда. Много сведений находится у чешского летописца Козьмы Пражского и в рукописях краледворской и зеленогорской. Интересны сообщения угорского летописца Анонима Нотария о прохождении угров через Россию. Польский повествователь XII в. Мартин Галл рассказывает в своей хронике о борьбе сыновей Владимира и о вмешательстве Болеслава. Якут, мусульманский ученый, живший на рубеже XII и XIII вв., сообщает в своем Словаре много важных сведений для русской истории; также Казвини, писавший около 1275 г. К сообщениям датского историка Саксона Грамматика надо относиться с большой критикой. Еп. Краковский Викентий Кадлубка сообщает о Романе Мстиславиче Галицком. Из ливонских историков XIII в. главное значение имеет Генрих Латыш; важные известия заключаются в хронике Немецкого ордена. Для изучения татар главным

источником служит описание путешествия Плано-Карпини в Великую Монголию; у него же есть сведения о положении России при вел. кн. Ярославе. «Создатель новой географии», знаменитый венецианец Марко Поло, дает важные сведения о татарах и отчасти о России. Для русской истории представляет много интереса путешествие Ибн-Батута (XIV в.), родом африканца. Важные известия о Галицкой Руси передает Ян из Чарикова. Меньше значения имеют С. англичанина Мандвиля и немца Зукенворта. Много сведений о Золотой Орде находим у баварца Иоганна Хильбургера (1344). С возвышением Московского государства интерес к России на Западе все усиливается; число С. значительно возрастает, характер их меняется: вместо прежних, большею частью отрывочных сведений в работах иностранцев появляются всесторонние исследования, посвященные всецело московско-русскому государству. Важнейшие из С. XV в.: заметки фламандского рыцаря Лануа, описание путешествия Иосафата Барбаро в Тану (нын. Азов), книга «о Польше, Литве и Пруссии» Енея Сильвия Пиколомини, впоследствии сделавшегося папой под именем Пия II, сообщение о Москве венецианца Амброжио Контарини. Самое замечательное С. XVI в. принадлежит Сигизмунду Герберштейну; без этого капитальнейшего источника не обходится ни один историк

Московской Руси. В сочинении «О двух Сармациях» польского писателя Матвея из Мехова много историко-топографических сведений о России. Известия о религии русских собраны в труде известного богослова XVI в. Фабера и в записке гнезненского архиепископа Яна Ласского, поданной Латеранскому собору. Интересны письмо Альберта Кампензе к папе Клименту VII; сочинение епископа Ноцерского Иовия, составленное по рассказам русского переводчика Дмитрия Герасимова; описание пребывания в Москве венецианца Тифполо. Очень важные сведения о русской торговле, товарах и ценах собраны в С. итальянца Рафаеля Барберини. В XVI в. начинается знакомство англичан с Россией после известного приключения с Ченслером. Последний описал свое путешествие; его описание и рассказы послужили материалом для Климента Адама, который составил С. о приключении Ченслера. С. англичан отличаются большою положительностью; в них много сведений об экономическом положении России. Большой интерес представляют работы Дженкинсона и Иеронима Горсея, особенно последнего; много важных сведений в донесениях цесарского посла Иоганна Кабенцеля и в сочинении его секретаря фон Бухау. Беспристрастное освещение фактов находится в «Странствовании» датчанина

Улафельда, дважды посетившего Москву. О работах Гванины и Поссевина упомянуто выше. Из С. польских писателей важнее других сочинение Райнгольда Гейденштейна, секретаря Замойского и Стефана Батория, описавшего войну Грозного со Стефаном Бат. Заслуживают внимания еще С. Лаврентия Миллера, Соломона Геннига, Ф. Ольмена, Михаила Литвина; книга последнего по ее тенденции напоминает «Германию» Тацита. Из сказаний конца XVI в. первое место занимает сочинение Флетчера. Это — драгоценный памятник для русской истории, особенно в вопросах финансовых. К той же эпохе относятся еще С. епископа Суздальского (грека) Арсения и цесарского посла Никласа фон Варкач. Запорожцев описал цесарский поверенный Эрих Лассота. XVII в. — самый богатый сказаниями иностранцев. Повествование о Смутном времени и предшествовавших ему событиях находим в описании посольства Льва Сапеги, в прекрасной книге Маржерета, в важном сочинении Конрада Буссова, в описании пребывания в Москве датского принца Иоганна, в дневнике польских послов Н. Олесницкого и А. Гонсевского, в так назыв. дневнике Марины, в замечательной книге гарлемского географа Исаака Массы. Много интереса представляют воспоминания и дневники поляков, находившихся в Смутное время в России

— дневник Бельского, дневник осады Смоленска, дневник Сапеги, осаждавшего Троице-Сергиевскую лавру, дневник Маскевича и др. Главным источником для описания действий поляков в Смутное время служат записки талантливого и умного гетмана Станислава Жолкевского. Много сведений, особенно о третьем самозванце, находим в С. Петра Петрея. Ко времени царствования Михаила Федоровича относится драгоценное С. Олеария — лучший из иностранных источников для XVII в. Для истории Польши и Украины большое значение имеет книга французского инженера Боплана «Описание Украины». Важнейшие из С., относящихся ко времени Алексея Михайловича: сообщения архидиакона Павла, где много ценных сведений о русском духовенстве и между прочим о Никоне, в низложении которого он сам принимал участие; сочинение Мейерберга, особенно ценное благодаря приложенным к нему рисункам; С. немца Рейтенфельса, сообщающее много данных для характеристики Алексея Михайловича; С. итальянца да-Чипеда. Сведения о Разине дают кардинал Альтиерри и голландец Стрюйс. Для характеристики Алексея Мих. важно сказание С. Коллинса, англичанина, жившего в России 8 лет. Не лишены значения С. Витцена, Кильбургера и Радеса, писавших о русской торговле XVII в., Кояловича, рассказавшего историю казацкой

войны, польского шляхтича Ерлича, Яна Пасека и голландского посланника Кондрата Кленка. Из С. иностранцев, относящихся ко времени детства Петра Вел., интересны сочинения голландца Кемпфера и француза де ла Невилля; последний под видом польского гонца служил шпионом французским; у него много очень любопытных сообщений о правлении Софии, но его рассказ требует проверки. С. франц. иезуита Авриля дает много ценных указаний для характеристики иностранцев, живших в России. Во главе С. Петровской эпохи следует поставить недавно найденные в датском государств. архиве записки Юля, которые проливают новый свет на всю эпоху. Для начала правления Петра Вел. незаменимым источником служит дневник Патрика Гордона. События после возвращения Петра Вел. из-за границы описаны Корбом. Важное значение имеют записки брауншвейгского резидента Вебера, большого почитателя Петра Вел. Еще выше стоят записки Иоанна Факерода, секретаря прусского посольства, человека вполне образованного. Отдавая дань гению Петра Великого, он наряду с хорошими сторонами его царствования указывает и много темных. Домашняя жизнь русск. общества описана голштинским камергером Беркгольцем. Противниками Петра Вел. выступили швед Страленберг и немец Нейгебауер, воспитатель

царевича Алексея; с последним Петр Вел. вел даже полемику. Шведская война до смерти Карла XII описана генералом Галлартом, Прутский поход — Моро де Бразье. Укажем еще С. фон-Вреха, шведа Адлерфельда, поляка Отвиковского, «поляка-очевидца». С. XVIII в. большое историческое значение приобретают донесения иностранных послов, но как они, так и вообще позднейшие записки, мемуары, воспоминания иностранцев, относящиеся к России, уже не подходят под категорию С. в специальном смысле этого слова.

Литература. Главное пособие для изучения С. иностранцев до 1700 г. — Adelung, «Uebersetzung der Reisend.» (есть русск. перевод). Краткий обзор С. находится у Бестужева-Рюмина в его I т. «Русской истории»; в примечаниях у него указано, где можно найти данное С.; вышедшие в свет после 1870 г. в эту книгу не вошли и их надо искать частью в иностранных указателях, частью в указателях к «Русской старине», «Русскому архиву» и др. истор. журналах. Свод данных по С. иностранцев сделан проф. Ключевским. Об английских С. XVI в. есть хорошая статья Середонина в «Журн. Мин. нар. просв.».

Г. Лучинский.

С.-Петербург. В Типографии В. Безобразова и комп

Предисловие

Барон Сигизмунд Герберштейн, автор «Записок о Московии», родился в 1486 году, в Крайне. Первоначальное образование он получил на родине и вместе с тем выучился виндскому наречию, которым говорили тамошние славяне; потом поступил в высшую венскую школу, усердно занимался там и шестнадцати лет получил звание бакалавра. Начав военную службу под руководством старшего брата, Герберштейн не оставил совершенно и учёных занятий; свободное время было употребляемо им на чтение древних и некоторых новых историков. Своими подвигами в войне против венецианцев он сделался известен императору Максимилиану I, который возвёл его в рыцарское достоинство и приблизил к себе. Ум, образованность и дипломатические способности Герберштейна скоро выдвинули его из толпы других придворных и доставили ему почётное место между государственными людьми габсбургской монархии. С 1515 по 1552 год он неоднократно исполнял обязанности посла, особливо по венгерским и польским делам. В связи

с последними находятся и оба посольства его в Москву. Вот в чём заключались обстоятельства, вызвавшие их. Продолжительная вражда между императором Максимилианом и польским королём Сигизмундом была наконец прекращена их свиданием в Вене; при этом император обещал употребить своё посредничество для примирения Сигизмунда с великим князем Василием Иоанновичем. В конце 1516 г. он отправил Герберштейна с двойным поручением — к польскому королю и к великому князю московскому: первого нужно было склонить к браку с родственницей императора, принцессой Боней, а второго — к примирению с Польшей. С Сигизмундом дело кончилось скоро и успешно. Гораздо труднее было выполнить второе поручение. Пока Герберштейн вёл в Москве переговоры о мире, польский король продолжал неприязненные действия против Василия. При таких обстоятельствах на заключение мира мало было надежды; она и совсем исчезла, когда Сигизмунд поставил непременно условием возвращение Смоленска. 21 ноября императорскому послу дана была прощальная аудиенция; он был отпущен с богатыми дарами и большими почестями в знак особого благоволения к нему со стороны великого князя. В этот раз Герберштейн пробыл в пределах московского

государства около 8 месяцев (апрель — ноябрь 1517 г.). Вторичное его посольство относится к 1526 г. Не задолго перед тем Василий Иоаннович, через нарочных послов, поздравил Карла V со вступлением на императорский престол. Это запоздалое поздравление подало Карлу мысль — сделать новую попытку к примирению Василия с королём польским. Вместе с московскими послами, возвращавшимися в отечество, были отправлены в Краков и Москву граф Нугароль — от императора и Герберштейн — от его брата, эрцгерцога Фердинанда. Холодно и недоверчиво принял их польский король; но все его сомнения были рассеяны Герберштейном, и он согласился на посредничество императора и его брата. После многих усилий и более чем шестимесячного пребывания в Москве (1 мая — 11 ноября 1526 г.) послам удалось достигнуть желанной цели только вполовину: заключено было перемирие на 6 лет.

Если оба посольства Герберштейна в Москву были не совсем удачны в политическом отношении, то взамен того они обогатили европейскую литературу первым подробным описанием московского государства: плодом их были знаменитые *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. Собственная любознательность побудила Герберштейна заняться собиранием сведений о стране, которая была почти неизвестна

образованному миру; к тому же его государь, — Фердинанд, король римский, — очень интересовался состоянием нашей церкви и поручил ему как можно обстоятельнее ознакомиться с религией, обрядами и божественными книгами русских. Зная два славянских наречия, виндское и чешское, Герберштейн легко освоился и с русским языком. В этом заключается огромное преимущество его перед прочими иностранцами, посещавшими Россию до него. Он мог понимать, что говорится вокруг него, мог сам вступать в разговор с интересными для него людьми, мог читать летописи и другие памятники нашей письменности, делать переводы и извлечения из них. С другой стороны понимание народного языка давало ему возможность глубже вникать в наблюдаемые им явления и справедливее относиться к ним. Как воспользовался Герберштейн своим преимуществом, это доказывают его «Записки». Своей полнотой, верностью взглядов, критическим отношением к приводимым фактам они превосходят всё, что существовало в европейской литературе по этой части до их появления. Герберштейн, можно сказать, создал географию восточной Европы; он же первый познакомил европейскую публику и с русской историей в своём правдивом, хотя и не безошибочном извлечении из наших летописей.

Современное ему положение России он изложил с такою подробностью и отчётливостью, что лишь немногие из последующих описаний могут выдержать сравнение с его книгой. Потому, на западе, его сочинение долго пользовалось авторитетом во всём, что касалось московского государства; оно послужило источником для составления бесчисленного множества компиляции другими учёными. И до сих пор оно ещё не утратило своего интереса для западноевропейской публики: не далее, как в 1851 г. был сделан перевод его на английский язык.

Какое место занимают «Записки» Герберштейна в ряду источников русской исторической науки? — этот вопрос не разрешён ещё вполне критикою. Однако не может быть и тени сомнения, что свидетельства Герберштейна всегда будут иметь большую цену в глазах наших историков, и тот, кто захочет изучить состояние России в первой половине XVI ст., непременно возьмётся за его книгу, как за одно из необходимейших пособия при своём труде.

Первое латинское издание «Записок о Московии» было сделано самим автором в 1549 г., в Вене. В следующем (1550) году появился итальянский перевод их, в 1551 — первое издание латинского текста в Базеле, в 1556 — второе базельское издание, в 1557 — немецкий перевод

самого Герберштейна, в том же году два латинских издания в Антверпене и т. д... В России сочинение Герберштейна издавалось несколько раз: 1) в 1795–1804 гг., по повелению Екатерины II, Вейтбрехтом и Бакмейстером перепечатан был старый немецкий перевод Генриха Панталеона; 2) в «Воспоминаниях на 1832 год» Русова явился первый русский перевод под названием «Московских Записок»; 3) в 1841 г. латинский текст издан Старчевским в *Historiæ Ruthenicæ scriptores exteri sæculi XVI*; 4) в «Библиотеке иностранных писателей о России» Калистратова и Семёнова (т. II, отд. I, Спб., 1847) помещено начало русского перевода и приложена соответствующая ему часть латинского текста; 5) другое издание на русском и латинском языках (*texte en regard*) начато в «Сборнике, издаваемом студентами, императорского петербургского университета», вып. 1 и 2.

**Записки о Московии Сигизмунда барона
Герберштейна, Нейперга и Гюттенгага
содержащие в себе: краткое описание
России и столицы её Московии;
хорографию всего государства
московского и сведения о некоторых
соседних областях; различные данные
относительно религии и несогласия её с
нашей; образ приёма и обхождения с
послами; также описание двух
путешествий в Московию**

К этому прибавлено ныне самим автором не только несколько новых карт, но также и многое другое, что легко заметить тому, кто потрудится сравнить с первым изданием.

С позволения Его Императорского и Королевского Величества и с десятилетней привилегией.

БАЗЕЛЬ, ИЗДАНИЕ ИОАННА
ОПОРИНА. (1556).

**Пресветлейшему государю Фердинанду
Королю РИМСКОМУ, ВЕНГЕРСКОМУ,
БОГЕМСКОМУ и проч., инфанту
испанскому, эрцгерцогу австрийскому,
герцогу бургундскому и
виртембергскому и многих областей
герцогу, маркграфу, графу, государю
моему все милостивейшему**

Говорят, в древности, римляне, отправляя послов к отдалённым и неизвестным народам, поставляли им, между прочим, в обязанность вести верные записки о нравах, постановлениях и образе жизни того народа, у которого они жили под видом посольства. Эта обязанность была до такой степени священна, что, по изложении результата посольства, записки такого рода полагались в храм Сатурна для назидания потомству. Если бы это постановление было соблюдаемо людьми нашего времени, или жившими несколько прежде, то мы имели бы в истории более света или по крайней мере менее пустоты. Я же, с самого раннего возраста, находя удовольствие и в отечестве и вне отечества в обращении с людьми иностранными, охотно нёс службу посольскую, которую возлагали на меня сначала дед Вашего Величества, блаженной памяти Максимилиан, мудрейший государь, а

потом также и Ваше Величество. По повелению Вашего Величества я неоднократно обзирал северные страны, преимущественно же, когда вместе с императорским послом графом Леонардом Нугарольским, моим товарищем по службе и путешествиям, я вторично приезжал в Московию, которая между странами, просвещёнными таинством животворящего крещения, весьма много отличается от нас и нравами, и постановлениями, и исповеданием, и воинскою дисциплиною. По воле императора Максимилиана, я был послом в Дании, в Венгрии и Польше: но смерти Его Величества отечество отправило меня чрез Италию, Францию, морем и сухим путём, в Испанию к родному брату Вашего Величества, сильному и непобедимому императору римскому Карлу V. По повелению Вашего Величества, я снова был у королей венгерского и польского, наконец вместе с графом Николаем Салмским, у самого Солимана, турецкого султана, и во всех этих местах не только многое замечал мимоходом, но и тщательно обращал внимание на то, что, без всякого сомнения, наиболее было достойно упоминания и ознакомления; впрочем я не хотел посвятить своего досуга от дел службы на повествование о каких либо из этих предметов, отчасти по тому, что они прежде были изложены другими ясно и тщательно, отчасти же потому, что они находятся в глазах

Европы и постоянно могут быть ею видимы. Государство же московское, гораздо отдалённейшее и не так знакомое нашему веку, я предпочёл описать и приступил к тому, всего более надеясь на два обстоятельства: на тщательность моего исследования и на опытность в языке славянском, что великим мне послужило пособием в труде такого рода. Хотя многие писали о Московии, однако, большая часть писала по чужим рассказам: из древнейших Николай Кузан, а в наше время Павел Иовий (которого я называю по причине его учёности и чрезвычайной любви ко мне) писал весьма изящно и с великой верностью (ибо он пользовался толкователем весьма сведущим), также Иоанн Фабри и Антоний Вид, оставившие карты и записки. Некоторые же, не имея целью описывать Московию, касались её при описании стран ближайших к ней, таковы: Олай Гот в описании Швеции, Матвей Меховецкий, Альберт Кампензе и Минстер; однако они нимало не отклонили меня от намерения писать, как потому, что я был очевидцем описываемых событий, так и потому, что я некоторое почерпнул из источников достойных вероятия, имея их у себя, наконец потому, что я с многими лицами рассуждал об этих делах при всяком случае. Оттого произошло, что я почитал иногда нужным излагать подробнее и многоречивее (да не оскорбится кто моими словами) то, что

другими скорее замечено было как бы мимоходом, чем основательно изъяснено. Притом я описываю и то, чего другие не касались, и что могло быть известно только послу. Ваше Величество одобрили это моё намерение и желание, и советовали привести к концу начатое сочинение; но посольства и другие дела, возлагаемые на меня Вашим Величеством, часто отвлекали меня от предпринятого труда и были причиною того, что я до сих пор не мог исполнить моего намерения. Теперь же, находя по временам часы свободные от ежедневных моих занятий по австрийскому государственному казначейству, снова возвращаюсь к предпринятому мною труду и, повинувшись воле Вашего Величества, не страшусь неблагосклонности читателей, которые, в этот век самого гонкого остроумия, может быть, желали бы более цветов красноречия. Довольно, что я самым делом (чего впрочем я не мог сделать своим словом) хотел выразить моё желание быть сколько нибудь полезным потомству, и вместе исполнить священную для меня волю Вашего Величества. И так я посвящаю Вашему Величеству эти мои записки о Московии, написанные мною более вследствие желания достигнуть истины и вывести её на свет, нежели вследствие желания красноречия; я посвящаю и поручаю себя покровительству Вашего Величества, в службе

которого я уже состарился и прошу Ваше Величество удостоить самую книгу той благосклонности, которую Вы всегда являли к автору. Вена, 1 марта 1549 года. Вашего Величества верный Советникь-Камергер и начальник Австрийского Государственного Казначейства Сигизмунд Барон Герберштейн-Нейперг-Гюттенгаг.

К читателю

При моём намерении описывать Московию, которая есть глава России и которая распространила свои владения вдоль и поперёк Скифии, мне необходимо будет, благосклонный читатель, коснуться в этом труде многих северных стран, мало известных не только прежним, но и нынешним писателям; оттого может случиться, что я иногда принуждён буду противоречить их сказаниям. Впрочем, чтобы кому-нибудь не показалось моё мнение в этом деле подозрительным, или дерзким, заявляю, что я не раз, а дважды видел Московию в настоящем её состоянии, так как дважды проезжал по пей в качестве посла от императора Максимилиана и его внука римского короля Фердинанда; большую же часть сведений я собрал от людей тех мест, или бывалых, или достойных доверия. Не довольствуясь свидетельством одного, или двух

лиц, я полагался только на согласное мнение многих и, пользуясь благодетельным знанием славянского языка (который одинаков с русским и московским), описал это и предал памяти потомства не по слухам, а как очевидец, и неразукрашенною речью, а ясною и лёгкою.

Русские, как и всякий народ, имеют свой особенный образ произношения и обыкновенно произносят буквы свои в различных сочетаниях и соединениях каким-то необыкновенным образом, так что тому, кто не наблюдал за их произношением с особенным вниманием, не легко и спрашивать их о чём-нибудь и узнавать от них что-нибудь верное. Так как в описании России я не без основания употреблял русские слова в названии предметов, мест и рек, то я и намерен уже в начале, в кратких словах, указать сочетания и значение некоторых букв, заметив которые, читателю легче будет многое узнать, а может быть и многое исследовать. Слово *Vasilius* хотя русские пишут и произносят чрез согласную *W*; но так как у нас в обыкновении писать и произносить чрез *B*, то мне казалось не нужным писать чрез *W*.

Буква *C*, предшествуя придыханию, должна быть выражаема не звуком *ci* (ци) или *Schi* (ши), как у многих народов; но звуком *khi* (хи) в роде того, как у немцев, например в словах: *Chan*, *Chlinovua*, *Chlorigorod* и проч. Но перед двойною *Z*,

С произносится несколько звучнее, напр. Czeremissa, Czernigo, Czilma, Czunkas и проч.

Букву G русские, против обыкновения других славян, произносят почти на манер богемцев, как придыхательное h, так что пишут Jugra, Wolga, а произносят Juhra, Wolha.

Буква J но большей части имеет значение согласной, напр. Jausa, Jaropolchus, Janinia, Jaroslaw и проч.

Th произносится почти как Ph, так Теодора (Theodorum) называют Феодором (Pheodormn) и Фёдором (Feodorum).

Вместо буквы V, когда она принимается за согласную, я всегда ставил Vu, которую немцы выражают двойным W: так напр. в словах Vuolodimeria, Yuorotin, Vuedrasch, Vuiesma, Vuladislaus. — Постановленная же в середине и на конце слова, она имеет значение, или звук греческий phi, нашего ph, напр. Oczakovu, Rostovu. — Посему читатель должен внимательно заметить свойство этой буквы, чтобы от неправильного произношения какого нибудь слова не подумали, что ты спрашиваешь и разумеешь нечто другое.

Рассказывая по летописям о происхождении народа и о событиях, мы употребляли не то летосчисление, которое у нас, а то, которое они сами употребляют, чтобы, не сходяствуя с их

сказаниями, не показаться скорее исправителями, нежели верными переводчиками.

Записки о Московии

Сочинение Сигизмунда барона Герберштейна, Нейперга и Гюттенгага

Существуют различные мнения о том, от чего Руссия получила своё название. Некоторые думают, что она получила имя от Русса, брата или племянника Леха, князя польского, который будто бы был русским князем; по другим — от одного очень древнего города, именем Русса, недалеко от великого Новгорода; по третьим — от смуглого цвета этого народа. Многие полагают, что Руссия прозвалась от Роксолании через перемену звуков. Но московиты отвергают эти предлагаемые им мнения, как несогласные с истиной, подтверждая тем, что их народ издревле назван Россея, т. е. народом рассеянным или разбросанным, на что указывает самое имя, потому что Россея, на языке руссов, значит рассеяние. Справедливость этого ясно доказывается тем, что и теперь ещё разные народы живут в Руссии перемешано друг с другом, и что различные области Руссии там и сям смешаны и перерезываемы другими. Известно также читающим священное писание, что и пророки употребляют слово, рассеяние, когда говорят о

рассеянии народов. Многие однако ведут название руссов от греческого и даже от халдейского корня, имеющего подобное же значение, а именно от течения, которое у греков называется ῥῆς, или распыскивания по каплям, которое у арамейцев называется Resissaia или Ressaia: таким же образом галлы и умбры названы евреями от волн, дождей и наводнений, т. е. Gall и Gallim, также от Umber, как будто народы волнующиеся и бурные или народ источников. Но наконец, откуда бы ни получила Россия своё имя, известно только то, что все её народы, употребляющие язык славянский и следующие обрядам и вере христианской но греческому закону, по народному прозвищу руссы, по-латини рутены, размножились до того, что или вытеснили народы, жившие между ними, или принудили их принять свой образ жизни, так что теперь все называются одним общим именем руссов.

Славянский язык, который в настоящее время называется не много испорченным именем склавонского, распространён на весьма большом пространстве, так что его употребляют далматы, боснийцы, кроаты, истрийцы, даже фриоульцы на большом протяжении по Адриатическому морю, карны, которых венециане называют харсами, также карниольцы, каринтийцы до реки Дравы, штирийцы ниже Греца, по Муере до Дуная, далее,

мизийцы, сербы, болгары и другие до Константинополя; кроме того богемцы, лужичане, силезцы, моравы и жители берегов Вага в венгерском королевстве, также поляки и русские, властвующие на обширном пространстве, и пятигорские черкесы у Чёрного моря, наконец по Германии за Эльбою на север остатки вандалов, живущих по разным местам. Хотя все они признают себя славянами, однако германцы, взяв название от одних вандалов, всех, у кого в употреблении славянский язык, без разбора называют вендами, виндами и виндишами.

Россия граничит с сарматскими горами недалеко от Кракова, и прежде простиралась по течению Тираса, который туземцы называют Днестром (Nistrum), до Евксинского Понта и до реки Борисфена; но несколько лет тому назад турки заняли город Альбу, который называется иначе Монкастро и который, находясь при устьях Тираса, был под властью валахо-молдавов. Кроме того царь Тавриды (Таигисиа), перешедши Борисфен и опустошив всю землю на большом пространстве, выстроил там две крепости: одною из них, Очаковым, недалеко от устьев Борисфена, теперь владеют также турки. Ныне между устьями обеих рек находятся пустыни. Если всё подниматься по Борисфену, то придёшь к городу Черкасам (Circas), лежащему на запад, а оттуда к весьма древнему

городу Киеву, некогда столице России; там, за Борисфеном, лежит область северская (Seviera), доселе обитаемая: если из неё пойдёшь прямо на восток, то встретишь истоки Танаиса. Потом надобно проехать длинный путь по течению Танаиса, доехать до слияния рек Оки и Ра, перейти реку Ра: тогда, пройдя длинейшее пространство, достигнешь наконец до северного моря. Потом русская граница возвращается оттуда назад, мимо народов, подвластных королю Швеции, около самой Финляндии и ливонского залива, через Ливонию, Самогитию, Мазовию к Польше, и напоследок оканчивается сарматскими горами, так что внутри её лежат только две области, Литва и Самогития. Хотя эти две провинции врезаются в русские области и имеют собственное наречие и римскую веру, однако ж большая часть их жителей — русские.

Из государей, которые ныне владеют Россией, главный есть великий князь московский, который имеет под своей властью большую её часть; второй — великий князь литовский, третий — король польский, который теперь правит и в Польше и в Литве.

О происхождении же народа они не имеют никаких известий, кроме летописных, приводимых ниже; именно, что это народ славянский из племени Яфета, что прежде он сидел на Дунае, где ныне

Венгрия и Булгария, и назывался тогда норцами, что наконец он рассеялся по разным землям, и получил названия от мест поселения; так одни прозвались моравами от реки, другие очехами т. е. богемцами; таким же образом прозвались хорваты, белы, серблы т. е. сервии, и хоронтаны, которые остались жить на Дунае, но, выгнанные валахами и пришедши к Висле (Istula), получили имя лехов, от некоего Леха, польского князя, от которого поляки и теперь называются также лехами. Другие назвали литвинами, мазовами, померанами; третьи, живущие по Борисфену, где нынче Киев, полянами (Poleni); четвертые древляне, живущие в рощах; между Двиною и Припетью (Peti) названы дреговичами, другие полочане (Poleutzani), по реке Полоте (Polta), которая впадает в Двину; другие около озера Ильменя, которые заняли Новгород и поставили у себя князя именем Гостомысла; другие по рекам Десне и Суле названы северами или северскими (Sevuerski); другие же около истоковъ Волги и Борисѡена прозваны кривичами (Chrivuitzi); ихъ столица и крѣпость — Смоленскъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ ихъ собственныя лѣтописи.

Кто сначала властвовалъ надъ руссами, неизвѣстно, потому что у нихъ не было письменъ, посредствомъ которыхъ ихъ дѣянiя могли бы быть переданы памяти; но послѣ того, какъ Михаилъ,

царь константинопольскій, прислать славянскій алфавитъ въ Булгарію въ 6406 году отъ сотворенія міра, тогда въ первый разъ они начали записывать и вносить въ свои лѣтописи не только то, что происходило въ то время: но также и то, что они слышали отъ предковъ и долго удерживали въ памяти. Изъ этихъ лѣтописей извѣстно, что народъ козары (Coseri) требоваль отъ нѣкоторыхъ руссовъ ежегодной дани съ cadaго дома по бѣличьему мѣху, и что также варяги властвовали надъ ними. Я не могъ узнать, кромѣ имени, ничего вѣрнаго изъ лѣтописи ни о козарахъ, ни о варягахъ, кто такіе были они, или изъ какой земли. Впрочемъ, такъ какъ они называютъ моремъ варяговъ — Балтійское море и то, которое отдѣляетъ Пруссію, Ливонію и часть ихъ владѣній отъ Швеціи: то я полагаль, что ихъ государи были по сосѣдству или шведы или датчане или пруссы. Но такъ какъ довольно извѣстно, что Вагрія, нѣкогда весьма славный городъ и область вандаловъ, была въ сосѣдствѣ съ Любекомъ и герцогствомъ Голзацію; то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и самое море, которое называется Балтійскимъ, получило свое имя у нихъ отъ Вагрии. Это море и тотъ заливъ, который отдѣляетъ Германію отъ Даніи, также Пруссію, Ливонію и приморскую часть московскаго государства отъ Швеціи, до сихъ поръ удерживаетъ у руссовъ свое имя и называется варяжскимъ

моремъ (Vuaretzkoie morie) т. е. моремъ варяговъ. Сверхъ того вандалы были въ это время могущественны и наконецъ имѣли языкъ, нравы и религію руссовъ. По всему этому мнѣ кажется, что руссы скорѣе вызвали себѣ князей изъ вагріевъ или варяговъ, нежели предложили власть иностранцамъ, чуждымъ ихъ религіи, нравовъ и нарѣчія. Такимъ образомъ, когда руссы спорили между собою о княжеской власти и, воспламенясь взаимною ненавистью, при возникшихъ тяжкихъ раздорахъ, взяли наконецъ за оружіе: тогда Гостомысль, мужъ мудрый, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ Новгородѣ, далъ совѣтъ, чтобы они отправили пословъ къ варягамъ, и склонили бы къ принятию власти, трѣхъ братьевъ, которые тамъ весьма уважались. По принятии этого совета тотчасъ отправлены были послы и призвали трѣхъ родныхъ братьевъ, которые пришли туда и разделили между собою власть, врученную имъ добровольно. Рюрикъ получилъ княжество новгородское, и поставилъ свой престолъ въ Ладогѣ, въ 36 немецкихъ миляхъ ниже великаго Новгорода. Синеусъ (Sinaus) утвердился на Беломъ озерѣ; Труворъ же въ княжествѣ псковскомъ, въ городѣ Изборскѣ (Svuortzech). Руссы хвалятся, что эти три брата вели своё происхождение отъ римлянъ, отъ которыхъ производитъ свой родъ и нынешній московскій государь. Пришествіе этихъ братьевъ въ Руссію, по летописямъ, было въ 6370 году отъ

сотворения мира. Когда умерли двое из них без наследников, оставшийся в живых Рюрик получил все княжества, и роздал города друзьям и слугам. Умирая, он поручил своего юнаго сына, Игоря, вместе с царством, одному из своих родственников, Олегу (Olech), который увеличил царство, покорив многие области, и, внося оружие в Грецию, осадил даже Византию. После тридцатитрёхлетнего царствования он умер от ядовитого червя, который укусил его, когда он неосторожно наступил ногою на череп своего коня, умершего ещё прежде. По смерти Олега, Игорь начал править, взяв в супруги Ольгу из Пскова. Он проник весьма далеко с своим войском, достиг даже Гераклеи и Никомедии, но был побеждён и бежал. После он был убит Малдиттом, князем древлянским, на месте, называемом Коресте, где и был похоронен. Покуда сын его Святослав, которого он оставил ребёнком, по своему возрасту не мог управлять царством, правила мать его Ольга. Когда древляне прислали к ней двадцать послов с предложением выйти замуж за их князя, Ольга приказала древлянских послов зарыть живыми в землю; между тем к ним отправила своих послов объявить, чтобы они прислали больше сватов и более знаменитых, если желают иметь её княгинею и госпожею. Вскоре после того она сожгла в бане пятьдесят других избранных мужей, присланных к ней, а к древлянам

отправила новых послов, чтобы они возвестили её прибытие и велели приготовить медовую воду и всё необходимое по тогдашнему обычаю для поминок по умершем муже. Потом, пришедши к древлянам, она оплакала мужа, напоила до пьяна древлян, и умертвила из них 5000. Вскоре после того, возвратясь в Киев, она собрала войско, пошла против древлян, одержала победу и преследовала бегущих до крепости, которую осаждала целый год. Потом она заключила с ними мирные условия и потребовала у них дани, именно с каждого дома по три голубя и по три воробья: птиц, полученных в дань, она распустила, привязав им под крылья огненные снаряды. Улетевшие птицы возвратились к своим старым обычным жилищам, и зажгли крепость: беглецы из загоревшейся крепости были или убиты, или взяты в плен и проданы. Таким образом, заняв все древлянские крепости и отмстив за смерть мужа, она возвратилась в Киев. Потом, в 6463 году от сотворения мира, отправившись в Грецию, Ольга приняла крещение в правление Иоанна, царя константинопольского: переименовав своё имя, она была названа Еленой, и возвратилась домой, получив после крещения много богатых подарков от царя. Она первая из руссов сделалась христианкой, как свидетельствуют их летописи, которые уподобляют её солнцу, потому что как солнце освещает весь мир, так она, по их словам,

озарила Русь верою Христа. Но никак не могла она склонить к крещению сына своего Святослава. Когда он пришёл в юношеский возраст, — мужественный и отважный, он тотчас подъял все воинские труды и соединённые с ними опасности: своему войску он не позволил иметь на войне никакого багажа, даже котлов; питался только жареным мясом, покоился на земле, подкладывая под голову седло. Он победил болгар, дошедши даже до Дуная, и основал своё местопребывание в городе Переяславце (Pereaslav), говоря матери и своим советникам: «Вот подлинно моя столица в середине моих царств: из Греции ко мне привозят паволоки (Panadocki), золото, серебро, вино и различные плоды, из Венгрии — серебро и лошадей, из Руси — шкуры (Schora), воск, мёд и рабов». Мать отвечала ему: «Уже скоро я умру; так ты похорони меня, где тебе угодно». Спустя три дня она умерла, и была причислена к лику святых внуком Владимиром, который уже крестился; ей посвящён 11-й день июля.

Святослав (Svuatoslaus), царствовавший по смерти матери, разделил области сыновьям: Ярополку (Jeropolchus) — Киев, Олегу (Olega) — древлян, Владимиру (Vuolodimerus) — великий Новгород, так как сами новгородцы, побуждённые одною женщиною, Добрынею (Dobrina), испрашивали в князя Владимира. В Новгороде был

один гражданин Калуфча (Calufza), по прозванию Малый, который имел двух дочерей: Добрыню и Малушу; Малуша была при тереме Ольги, и Святослав прижил с нею Владимира. Устроив своих сыновей, Святослав отправился в Булгарию, осадил город Переяславец и взял его. Потом он объявил войну царям Василию и Константину. Но они через послов просили мира и желали узнать сколько у него войска, обещаясь, но ложно, дать дань по числу войска. Узнавши число его воинов, они собрали войско. Когда сошлись оба войска, руссы устрашились многочисленности греков, и Святослав, видя их страх, сказал: «Руссы, так как я не вижу места, которое бы могло принять нас под свою защиту, а предать врагам землю русскую я никогда не думал, то решено, что мы или умрём или добудем славы, сражаясь против неприятелей. Ибо, если я паду, сражаясь мужественно, то приобрету бессмертное имя; если же побегу, то вечное бесчестие, — и так как окружённому многочисленными врагами бежать нельзя, то я стану крепко, и в первом ряду за отечество подставлю свою голову всем опасностям». Воины отвечали ему: «где твоя голова, там и наши». Как только воины ободрились, он с великим усилием устремился на стоявших против него врагов и вышел победителем. Когда он потом опустошал землю греков, то остальные греческие князья

умилостивляли его дарами; когда же он с презрением отверг золото и паволоки (Panadockmi), а принял одежды и оружие, предложенные ему греками во второй раз: то народы Греции, восхищённые такою его доблестью, собравшись к своим царям говорили: И мы хотим быть под властью такого царя, который любит более — не золото, а оружие. Когда Святослав приблизился к Константинополю, греки откупились от него большою данью, и таким образом удалили его от границ Греции. Наконец, в 6480 году от сотворения мира, Курес, князь печенегов (Pieczenigi), умертвил его из засады, и, сделав из его черепа чашу с золотою обделкой, вырезал на пей надпись такого содержания: «Ища чужего, он потерял своё». По смерти Святослава один из его вельмож, по имени Свенельд (Svuatoldus), пришёл в Киев к Ярополку и с большим старанием побуждал его изгнать из царства, брата Олега за то, что он умертвил его сына, Люта. Ярополк, увлечённый его убеждениями, пошёл войною на брата и разбил его войско, т. е. древлян. Олег же искал убежища в одном городе, но не был впущен своими же; и так как в то время было сделано нападение, то он был столкнут или сброшен с одного моста, и жалостным образом погиб, заваленный многими трупами, падавшими на него. Ярополк, заняв город, искал брата, и при виде его тела, найденного между

трупам и принесённого к нему, сказал: «Свенельд, вот чего ты хотел!» После того Олег был похоронен. Владимир, узнав о том, что Олег убит и похоронен, из Новгорода бежал за море к варягам; а Ярополк, поставив в Новгороде своего наместника, сделался монархом всей Руси. Снискав помощь варягов и возвратившись в отечество, Владимир изгнал из Новгорода братнего наместника и первый объявил войну брагу, ибо знал, что он поднимет против него оружие. Тем временем он послал к Рогволду (Rochvuolochda), князю псковскому (который также переселился сюда от варягов), и просил в супруги его дочь Рогнеду (Rochnida); но дочь желала выйти замуж не за Владимира, потому что знала, что он незаконнорождённый, но за брата его, Ярополка, который, полагала она, скоро также будет просить её в супруги. Владимир, получив отказ, пошёл войною на Рогволда и умертвил его вместе с двумя сыновьями; с Рогнедой же, дочерью его, вступил в супружество, и потом пошёл на Киев против брата. Не смея сразиться с ним, Ярополк заключился в Киеве (Chioviia), который и был осаждён Владимиром. Во время осады Киева (Chiovi), Владимир послал тайного гонца к некоему Блуду, ближайшему советнику Ярополка, и, почтив его названием отца, спрашивал у него совета, как известить Ярополка. Обдумав просьбу Владимира, Блуд обещался, что он сам убьёт своего господина,

советуя Владимиру осадить город; Ярополк же убедил не оставаться в крепости, выставляя на вид, что многие из его войска перешли к Владимиру. Поверив своему советнику, Ярополк удалился в Родню (Roden), к устью Роси (Jursa), и думал, что там он будет безопасен от насилия со стороны брата. Покорив Киев, Владимир передвинул войско к Родне, и долго теснил Ярополка тяжкою осадюю. Потом, когда город, истощённый голодом, не мог дольше выдерживать осады, Блуд советовал Ярополку заключить мир с братом, который гораздо сильнее его, и в то же время известил Владимира, что он скоро приведёт и предаст ему его брата, Ярополк, следуя совету Блуда, отдался в волю и власть брата, предлагая вместо всяких условий, что он будет благодарен Владимиру, если тот из милости уступит ему что-нибудь из владений. Предложение очень понравилось Владимиру. Потом Блуд уговорил своего господина, чтобы он пошёл к Владимиру; Вераско, тоже советник Ярополка, ревностно отговаривал его от этого. Но пренебрегши его советом, Ярополк отправился к брату и, входя в ворота, был убит двумя варягами, между тем как Владимир смотрел с одной башни в окно. После того Владимир изнасиловал супругу брата, родом гречанку, с которою и Ярополк жил до супружества, когда она была ещё монахиною. Этот Владимир поставил

много идолов в Киеве: первый идол, называвшийся Перуном (Perun), был с серебряной головой, а остальные члены были у него из дерева; другие идолы назывались: Услад, Корса, Дасва, Стриба, Симергла, Макош; им приносил он жертвы; иначе они называются кумирами (Cumeri). У Владимира было очень много жён. От Рогнеды он имел Изяслава (Isoslaus), Ярослава (Jeroslaus), Всеволода (Servuoldus) и двух дочерей; от гречанки — Святополка (Svuetopolchus); от богемки — Заслава; потом от другой богемки — Святослава и Станислава, от болгарки — Бориса и Глеба (Chleb). Кроме того он имел в Вышгороде (in alto castro) триста наложниц, в Белграде — тоже триста, в Берестове селе (in Berestovuo, Selvi) — двести. Когда Владимир беспрепятственно сделался монархом всей России, то пришли к нему послы из разных мест, убеждая принять их веру. Когда он узнал различные вероисповедания, то и сам отправил своих послов исследовать учение и обряды каждой веры. Наконец, предпочтя всем другим — веру христианскую по греческому закону, он отправил послов в Константинополь, к царям Василию и Константину, и обещался принять христианскую веру со всеми своими подданными и возвратить им Корсун и всё остальное, чем владел в Греции, если они дадут ему в супруги сестру свою, Анну. По окончании переговоров, условились во

времени и местом выбрали Корсун; когда прибыли гуда цари, Владимир крестился и, переименовав имя, был наречён Василием. Отпраздновав свадьбу, он возвратил Корсун и всё остальное, как обещал. Это произошло в 6496 году от сотворения мира, и с этого времени Руссия пребывает в Христианстве. Анна умерла через 23 года после свадьбы, Владимир же скончался на четвёртый год после смерти супруги. Он построил город, лежащий между реками Волгой и Окой, назвал его по своему имени Владимиром (Vuolodimeria) и сделал его столицею Руссии. Каждый год 15 июля торжественно празднуют его память в числе святых, как Апостола. По смерти Владимира, его сыновья ссорились, споря между собою и не соглашаясь в разделении царства, так что кто был сильнее, тот угнетал слабейших и изгонял их из государства. Святополк, который насильно овладел княжеством Киевским, подослал убийц, чтобы умертвить своих братьев, Бориса и Глеба. По смерти переименовали их имена, и один назван Давидом, а другой Романом, и оба причислены к лику святых; им посвящён 24 день июля. При таких ссорах, братья ничего достойного памяти не совершили, кроме измен, козней, вражды и междоусобных войн. Владимир, сын Всеволода, но прозванию Мономах, соединил опять всю Руссию в одну державу; он оставил после себя какие-то

регалии, которые употребляются в настоящее время при короновании князей. Владимир умер в 6633 году от сотворения мира, и после него его сыновья и внуки не совершили ничего достойного памяти потомства до самых времён Георгия и Василия: Батый (Bati), царь татар, победил и умертвил их, выжег и разграбил Владимир, Москву и большую часть России. С этого времени, т. е. с 6745 года от сотворения мира до нынешнего князя Василия, почти все князья России не только были данниками татар, но и отдельные княжества давались по воле татар тем из русских, которые у них домогались этого. Хотя татары разбирали и решали споры, возникавшие между ними о преемстве власти в княжествах или о наследствах, тем не менее однако ж войны между русскими и татарами происходили часто; а между братьями были волнения, изгнания и мены царств и княжеств. Так князь Андрей Александрович домогался великого княжества; когда им овладел его брат Димитрий, Андрей с помощью татарского войска изгнал его и совершил много постыдных дел в России. Также князь Димитрий Михайлович убил у татар князя Георгия Данииловича. Узбек (Asbeck), царь татарский, захватив Димитрия, казнил его смертью. Был также спор о великом княжестве тверском: когда князь Симеон Иоаннович просил его себе у Чанибека (Zanabeck), царя татарского, то Чанибек требовал от

него годовой дани: вельможи, подкупленные богатыми подарками Симеона, вступились за него и обделали дело так, что он не заплатил дани. Потом в 6886 году великий князь Димитрий победил Мамай, великого царя татар. На третий год после того Димитрий снова разбил его, так что земля была покрыта трупами более, чем на 13,000 шагов. На второй год после этого сражения неожиданно сделал нашествие царь татарский Тохтамыш, поразил Димитрия, осадит и взял Москву. Убитых выкупали для погребения — восемьдесят человек за один рубль: вся сумма выкупа, по счёту, оказалась в три тысячи рублей. Великий князь Василий, правивший в 6907 году, овладел Булгарией, которая лежит по Волге, и изгнал из неё татар. Этот Василий Димитриевич оставил единственного сына Василия; так как он не любил его, потому что подозревал в прелюбодействе супругу свою Анастасию, от которой родился у него Василий, то умирая оставил великое княжество московское не сыну, а своему брату, Георгию. Когда же большая часть бояр (Voïarones) приняли сторону сына Василия, как законного наследника и преемника; то Георгий, увидев это, поспешил к татарам и умолял царя, чтобы он призвал Василия и решил, кому из них должно принадлежать княжество по праву. Когда царь, под влиянием одного из своих советников, благоприятствовавшего стороне

Георгия, в присутствии Василия произнёс своё мнение в пользу Георгия, — Василий, пав к ногам царя, просил, чтобы ему было позволено говорить. Получив согласие царя, он сказал: «Хотя ты сделал приговор на основании грамоты умершего человека, однако я надеюсь, что гораздо действительнее и важнее моя грамота, скреплённая золотою печатью, которую ты, живой человек, дал мне в удостоверение того, что хочешь облечь меня великокняжеским достоинством». Затем он просил царя, чтобы он помнил свои слова и удостоил сдержать свои обещания. Царь отвечал на это, что справедливее соблюсти то, что обещано в грамоте живого человека, чем принимать в рассуждение завещание. Наконец он отпустил Василия и облёк его великокняжеским достоинством. С огорчением принял это Георгий и, собрав войско, изгнал Василия. Василий перенёс это скрепя сердце и удалился в княжество Углич, оставленное ему отцом. Георгий до конца, жизни спокойно владел великим княжеством, и завещанием отказал его своему племяннику Василию. Андрей и Димитрий, сыновья Георгия, как лишённые наследства, досадовали на это и потому осадили Москву. Василий получил известие об этом в монастыре св. Сергия, немедленно поставил стражей, разместил гарнизон и остерегался, чтобы не напали на него внезапно. Приметив это и посоветовавшись между

собою, Андрей и Димитрий наполнили несколько повозок вооружёнными воинами и послали их к монастырю под видом купеческого обоза. Доехав туда, повозки остановились под ночь вблизи стражи. Вспомоществуемые этим обстоятельством, воины в глубокую ночь внезапно выскочили из телег, напали на караульных, не подозревавших никакой опасности, и схватили их. В монастыре взят был и Василий, ослеплён и отослан в Углич вместе с своею супругою. Вскоре потом Димитрий, увидев, что сословие дворян ему неприязненно, и что они переходят на сторону слепого Василия, бежал в Новгород, оставив сына Иоанна, от которого потом родился Василий Шемячич (Semeczitz), в бытность мою в Москве содержащийся в оковах; более скажу о нём ниже. Дмитрий был прозванием Шемяка, отчего все его потомки называются Шемячичами. Наконец Василий Васильевич Тёмный спокойно овладел великим княжеством. После Владимира Мономаха, до этого Василия, в России не было монархов. Сын же этого Василия, Иоанн, был весьма счастлив, потому что вскоре после своего брака с Мариною, сестрою Михаила, великого князя тверского, он изгнал зятя и овладел великим княжеством тверским; потом завоевал также великий Новгород. После того все другие князья стали служить ему, поражённые величием его деяний, или из страха.

Потом при постоянно счастливом ходе дел, он начал употреблять титул великого князя Владимирского, московского и новгородского и наконец стал называться монархом (самодержцем) всей России. Этот Иоанн имел от Марии сына, по имени Иоанна, которому избрал в супруги дочь Стефана Великого, того молдавского воеводы, который победил Магомета, султана турецкого, Матвея, короля венгерского, и Иоанна Альберта, короля польского. По смерти первой своей супруги, Марии, Иоанн Васильевич вступил в другой брак с Софиею, дочерью Фомы, некогда имевшего обширные владения в Пелопонезе: я говорю о сыне Эмануила, царя константинопольского, из рода Палеологов. От неё он имел пятерых сыновей: Гавриила, Димитрия, Георгия, Симеона и Андрея, и им разделил наследство ещё при своей жизни: Иоанну, старшему, он оставил самодержавную власть, Гавриилу назначил великий Новгород, остальным дал другие владения по своему желанию. Первенец его, Иоанн, умер, оставив сына Димитрия, которому дед предоставил монархию, но обычаю, вместо его умершего отца. Говорят, что эта София была весьма хитра и под влиянием её князь много делал. Между прочим утверждают, что она побудила мужа лишить внука Димитрия монархии и назначить на его место Гавриила. Князь, убеждённый! супругою, велел бросить

Димитрия в оковы, и долго держал его в них. Наконец, на смертном одре, он приказал привести его к себе и сказал ему: «Милый внук, я согрешил пред Богом и пред тобою, заключив тебя в темницу и лишив тебя законного наследства; заклинаю тебя прости мне обиду; будь свободен, иди и пользуйся своим правом». Димитрий, растроганный этой речью, охотно простил вину деда. Но когда он выходил, его схватили по приказанию дяди Гавриила и бросили в темницу. Одни полагают, что он погиб от голоду и холоду, другие — что он задушен дымом. Гавриил при жизни Димитрия выдавал себя только за правителя государства, по смерти же его принял княжеское достоинство, хотя и не был коронован, а только переименовал имя Гавриила на имя Василия. У великого князя Иоанна от Софии была дочь Елена, которую он выдал за Александра, великого князя литовского, избранного потом королём польским. Литовцы уже надеялись, что важные несогласия обоих государей будут прекращены этим браком; а произошли от него гораздо важнейшия. Ибо в брачном договоре было положено выстроить храм по русскому закону в городе Вильно на назначенном для того месте, и причислить к нему боярынь и девиц русского вероисповедания, сопровождавших Елену. Когда несколько времени пренебрегали исполнением этого условия, тесть воспользовался этим, как

поводом войны против Александра, и устроив три армии, выступил против него: первую он послал на юг, в область северскую, другую на запад, против Торопца и Белы, третью поставил посредине по направлению к Дорогобужу и Смоленску; из них он удержал в резерве ещё войско для того, чтобы послать на помощь той армии, против которой будут сражаться литовцы. После того, когда оба неприятельские войска сошлись у реки Ведроши (Vuedrasch), литовцы, бывшие под предводительством Константина Острожского (Ostroskij), окружённого большим множеством вельмож и знати, возымели большую надежду поразить врагов, когда узнали от некоторых пленных число неприятелей и их вождей. Потом, так как речка препятствовала схватке, с обеих сторон стали искать переправы или брода. Однако ж несколько москвитов, взобравшись на противоположный берег, первые вызвали литовцев на бой; но те бесстрашно отразили их, преследовали, обратили в бегство и прогнали за речку. Вскоре сошлись оба войска, и началось ужасное сражение. Между тем, как с обеих сторон сражались с одинаковою храбростью, войско, помещённое в засаде, о прибытии которого знали весьма немногие из русских, с боку врезалось в средину врагов; литовцы, поражённые страхом, побежали; предводитель войска вместе со многими

вельможами был взят в плен; остальные от страха оставили неприятелю лагерь, сдались сами и также отдали крепости Дорогобуж, Торопец и Белу. Войско же, которое пошло на юг, и над которым предводительствовал Махмет-Аминь (Machmethemin), татарский царь Казани, случайно захватило правителя (на их языке воеводу) города Брянска (Brensko), и овладело Брянском. После того два родных брата, двоюродные братья Василия, один — Стародубский, другой — Шемячич, владевшие доброю частью области северской и прежде подвластные князьям литовским, передались под власть московского князя. Так одним сражением и в один год московский князь приобрёл то, чем завладел Витолд, великий князь литовский, в продолжении многих лет и с величайшим трудом. С этими литовскими пленниками московский князь поступил весьма жестоко, держал их в самых тяжёлых оковах и уговаривал князя Константина поступить к нему в службу, оставив природного государя. Не имея надежды уйти другим способом, Константин принял условие и был освобождён, обязавшись величайшею клятвой. Хотя ему назначены были поместья и владения сообразно его сану, но они не могли привлечь и удержать его, так что при первом случае, через непроходимые леса, он возвратился в отечество. Александр, король польский и великий

князь литовский, постоянно желал мира более чем войны, отказался от всех областей и городов, занятых московским князем, и заключил с тестем мир, довольствуясь освобождением своих пленных. Этот Иоанн Васильевич был так счастлив, что победил новгородцев в битве у реки Шелони (Scholona); он принудил побеждённых принять некоторые условия и признать его своим господином и князем, взял с них большие деньги и потом удалился, поставив там своего наместника. По истечении семи лет, он снова воротился туда, вошёл в город при помощи архиепископа Феофила, обратил жителей в самое жалкое рабство, отнял серебро и золото, наконец и все имущества граждан, и увёз оттуда более трёхсот хорошо нагруженных телег. Сам он присутствовал на войне только однажды, когда были завоевываемы княжества новгородское и тверское; в другое время он обыкновенно никогда сам не присутствовал в сражении и однако ж всегда одерживал победу, так что великий Стефан, воевода молдавский, часто вспоминая о нём на пиршествах, говаривал: «Иоанн, сидя дома и покоясь, увеличивает своё царство, а я, ежедневно сражаясь, едва могу защитить границы». Он также ставил по своей воле царей казанских, иногда отводил их пленными, но напоследок сам потерпел от них большое поражение в своей старости. Он первый обвёл

стеною московскую крепость и свою резиденцию, как это можно видеть и ныне. Женщинам он был до того страшен, что если какаянибудь случайно попадалась ему на встречу, то от его взгляда только что не лишалась жизни. Не было к нему доступа для бедных, обиженных и притеснённых сильными. За обедом он большею частью до того напивался, что засыпал, а все приглашённые между тем от страху молчали; проснувшись, он протирал глаза, и только тогда начинал шутить и был весел с гостями. Впрочем хотя он и был весьма могуществен, однако принуждён был повиноваться татарам. Когда приближались татарские послы, он выходил к ним на встречу за город и выслушивал их стоя, тогда как они сидели. Его супруга, которая была родом из Греции, очень досадовала на это, и ежедневно говорила, что она вышла замуж за раба татар; потому она убедила супруга притвориться больным при приближении татар для того, чтобы наконец когданибудь уничтожить этот рабский обряд. В московском кремле был дом, в котором жили татары для того, чтобы знать всё происходившее в Москве. Так как супруга князя равным образом не могла стерпеть и этого, то она отправила, нескольких послов с богатыми подарками татарской царице — почтительно просит её, чтобы она уступила и подарила ей этот дом; а она выстроит на этом месте храм сообразно с

божественным указанием, полученным ею в видении. Впрочем она обещалась назначить татарам другой дом. Царица согласилась на это: дом был разрушен, и на его месте выстроен храм; татары, удалённые таким образом из кремля, не могли получить другого дома ни при жизни князя и княгини, ни по их смерти.

Умер Иоанн Великий в 7014 году от сотворения мира; в достоинстве великого князя московского наследовал ему сын Гавриил, потом называвшийся Василием. Он содержал в заключении своего племянника Дмитрия, который ещё при жизни деда был венчан на царство, сообразно народному обычаю; поэтому и при жизни, и по смерти племянника, Василий не хотел торжественно венчаться на царство. Он во многом подражал своему отцу, сохранил в целости доставшееся ему от отца, и присоединил к своим владениям многие области не столько войною, в которой был весьма несчастлив, сколько хитростью. Как отец привёл в зависимость от себя Новгород, так он покорил прежде дружественный ему Псков, также приобрёл знаменитое княжество смоленское, которое более ста лет было в подданстве литовцев. Ибо по смерти короля польского Александра, хотя Василий и не имел никакой причины воевать против Сигизмунда, короля польского и великого князя литовского, но

видя, что король более склонен к миру, нежели к войне, а равно и литовцы страшатся войны, он нашёл предлог к разрыву. Именно он говорил, что с его сестрою, вдовою Александра, обходятся вовсе не так, как следует по её достоинству. Кроме того он обвинял короля Сигизмунда в том, что он вооружал против него татар. Поэтому он и объявил войну, осадил Смоленск, придвинул стенобитные машины, однако не взял его. Между тем Михаил Глинский (Lyczky), происходивший от благородной отрасли русских князей и некогда занимавший у Александра высшие должности, бежал к великому князю московскому, как это будет изложено ниже. Вскоре он склонил Василия к войне и обещал ему, что он покорит Смоленск, если он снова будет осаждён, но с тем условием, чтобы московский князь отдал ему это княжество. Потом, когда Василий согласился на предложенные Михаилом условия, и снова уже теснил Смоленск тяжкою осадю, Глинский овладел городом посредством переговоров или справедливее чрез подкуп, и привёл с собою в Москву всех начальников войска, исключая только одного, который воротился к своему государю, не зная за собой никакой измены: остальные же офицеры, подкупленные деньгами и подарками, не смели воротиться в Литву, и чтобы предоставить некоторое оправдание своей вины, навели страх на

воинов, говоря: «Если мы возьмём путь к Литве, то на всяком месте нас могут или ограбить, или убить». Воины, страшась этих бедствий, все отправились в Москву и были приняты на жалованье князя.

Гордясь этой победой, Василий приказал своему войску тотчас вступить в Литву, а сам остался в Смоленске. Потом, когда сдались несколько ближайших крепостей и городов, тогда только Сигизмунд, король польский, собрал войско и послал его на помощь осаждённым в Смоленске, но уже поздно. Вскоре по взятии Смоленска, узнав, что московское войско идёт в Литву, он прибыл в Борисов, лежащий на реке Березине, и оттуда отправил против неприятеля своё войско под предводительством Константина Острожского. Когда Константин достиг Борисфена, у города Орши, который отстоит от Смоленска на 24 германских мили, — туда уже прибыло московское войско числом около восьмидесяти тысяч: литовское же войско не превышало тридцати пяти тысяч человек, имея однако ж несколько орудий. Восьмого сентября 1514 года, настлав мост, Константин переправил пехоту через Борисфен у города Орши (Orsa), конница же переправилась через узкий брод под самой оршинской крепостью. Вскоре после того как половина войска перешла через Борисфен, известили об этом Ивана

Андреевича Челядина, которому московский князь поручил главное начальство, — и советовали напасть на эту часть войска и уничтожить её. Но он отвечал: «если мы разобьём эту часть войска, то останется другая, к которой могут присоединиться другие силы; и таким образом нам будет грозить большая опасность. Подождём немного, пока переправится всё войско: у нас такие силы, что, без сомнения, мы можем без большего труда или разбить это войско, или окружить его и гнать до самой Москвы, как быков. Наконец нам останется только занять всю Литву». Между тем приближалось литовское войско, в состав которого входили поляки и солдаты из чужих стран, и когда оно отошло от Орши на 4000 шагов, — обе армии остановились. У московитов два крыла далеко отошли от остального войска, для того чтобы обойти неприятеля с тыла; главное же войско в боевом порядке стояло в середине, а впереди были поставлены те, которые должны были вызвать неприятеля на бой. Напротив них литовцы долго давали диспозицию своим разноплемённым силам, ибо каждое княжество прислало войско и предводителя своего племени, и таким образом в боевой линии каждому было дано своё место. Наконец, поставив несколько отрядов впереди, московиты подают сигнал и первые делают нападение на литовцев. — Те стоят бесстрашно и

отражают их; но москвиты, получив подкрепление, в свою очередь обращают в бегство литовцев. Таким образом несколько раз обе стороны, усиливаясь свежими подкреплениями, опрокидывают друг друга. Наконец все силы введены были в дело. Тогда литовцы, с намерением отступив к тому месту, где у них поставлены были орудия, обратили пушки на преследовавших их москвитов: они стреляют, расстраивают и разрывают густые задние ряды, стоящие в резерве. Москвиты были утрашены этим новым образом войны, так как они думали, что только первые ряды, сражающиеся с неприятелем, находятся в опасности; они смешались и ударились в бегство, считая передние дружины уже разбитыми. Тогда литовцы обращаются назад, со всеми силами настигают их, преследуют и убивают. Одна ночь и леса прервали эту сечу. Между Оршей и Дубровной (которые отстоят друг от друга на 4 германских мили) есть судоходная река Кропивна: в ней потонуло столько москвитов, бежавших по её опасным и высоким берегам, что течение реки замедлилось. Взяты были в этом сражении все начальники войска и военные советники. На следующий день Константин сделал великолепный приём знатнейшим из них; потом отправил их к королю: они были распределены по литовским крепостям. Иван Челядин, с двумя другими

главными вождями уже преклонных лет, содержался в Вильне в железных кандалах; когда я был отправлен в Московию послом от цесаря Максимилиана, то навестил их с позволения короля Сигизмунда и утешал их, кроме того, по их покорной просьбе, дал в долг несколько золотых. Услышав о поражении своих войск, князь немедленно оставил Смоленск и поспешно уехал в Москву, приказав сжечь крепость Дорогобуж, чтобы не завладели ею литовцы. Литовское войско направилось прямо к городу Смоленску, но не могло взять его, потому что московский князь сильно укрепил его и оставил в нём гарнизон. К тому же приближающаяся зима мешала осаде. Кроме того литовцы были обременены добычей, доставшеюся после сражения, и многие требовали возвращения домой, полагая, что они уже довольно сделали. Наконец литовское войско не могло взять Смоленска и потому, что ни литовцы, ни москвиты не умеют брать крепостей. Но от этой победы король ничего не выиграл, кроме возвращения трёх городов по сю сторону Смоленска. На четвёртый год после этого сражения московский князь послал войско в Литву; оно расположилось станом между течениями реки Двины и городом Полоцком. Отсюда он отпустил большую часть своего войска опустошать Литву огнём и мечем и собирать добычу. Альберт

Гастолд, полоцкий воевода, вышедши в одну ночь и перейдя реку, зажѣг кучу сена, которое собрали московиты ради долгой осады, и напали на неприятелей: одни из них погибли от меча, другие потонули в бегстве, третьи были взяты в плен, немногие спаслись; из остальных, которые, переходя с одного места на другое, опустошали Литву, — одни побеждены в разных местах, другие, бродившие по лесам, убиты поселянами.

В то же время московский князь также выступил против царства казанского, с судовою и конною ратью, — но воротился, не сделав дела и потеряв весьма много воинов. Хотя этот князь Василий в войне был весьма несчастлив, однако тем не менее свои всегда выхваляют его так, как будто бы он вёл дела свои счастливо; и хотя иногда ворочалась едва половина воинов, однако они утверждают, что в сражении не потеряно ни одного. Властью, которую имеет над своими, он превосходит едва ли не всех монархов целого мира. Он исполнил то, что начал его отец, — именно отнял у всех князей и других владетелей все их города и укрепления. Даже своим родным братьям он не вверяет крепостей, и не позволяет им в них жить. Почти всех гнетёт он тяжким рабством, так иго тот, кому он приказал быть у себя во дворце, или идти на войну, или отправлять какое нибудь посольство, принуждѣн исполнять свою должность

на свой счёт, исключая юношей, боярских детей, т. е. благородных людей небольшого достатка, которых, по их бедности, он ежегодно берет к себе и обыкновенно даёт жалованье, но не всем одинаковое. Тем, которым он кладёт 6 золотых в год, жалованье выдастся только на третий год; те же, которым даётся каждый год по 12 золотых, обязаны быть готовыми ко всякой должности на своих издержках и с несколькими лошадьми. Знатнейшим, которые отправляют посольства или другие важные должности, даются или управления областями, или села, или поместья, смотря по труду и достоинству каждого; однако они платят с них князю известную ежегодную подать: им идёт только денежная пеня, которую они взимают с бедных, чем либо провинившихся, и некоторые другие доходы. Князь позволяет пользоваться такого рода владениями большею частью в продолжении полутора года; если же оказывает кому особенную милость и благоволение, то прибавляет ещё несколько месяцев: но по прошествии этого времени всякое жалованье прекращается, и целые шесть лет такой человек должен служить даром. При княжеском дворе был некто Василий Третьяк Долматов, пользовавшийся милостью князя и бывший в числе ближних дьяков его. Князь назначил его послом к цесарю Максимилиану и приказал ему приготовляться.